

Глава 120. Тангао

Пламя феникса рассеивало стылый туман в демонической бездне. Взметая длинный золотистый хвост, оно кружило во мраке, густом как тушь.

В этом свете тени двоих шатко плясали по земле, усыпанной щебнем.

Рядом послышался тихий шорох одежды. Цзян Тан поднял голову из сгиба локтя и встретился взглядом с глубокими тёмными глазами Фу Линцзюня.

В них был свет.

Цзян Тан моргнул.

Уголки его губ сами собой поползли вверх, но он не хотел, чтобы Фу Линцзюнь прочитал его настроение. Он сморщил нос, фыркнул и, чуть вздёрнув подбородок, сел прямо.

Тот неотрывно смотрел на него.

— На что смотришь?

— У тебя лицо испачкано, — серьёзно ответил Фу Линцзюнь.

Наверное, пока он сидел, уткнувшись лицом вниз, щекой задел грязный рукав.

Цзян Тан машинально хотел вытереть лицо, но на полпути остановил руку.

Он взглянул на Фу Линцзюня.

Красавец в огне феникса смотрел на него пристально и прямо. В его глазах словно лежала гладь тихого, холодного озера. Спокойная, ровная: ни тьма демонической бездны, ни неведомый путь впереди ничего в этом взгляде не меняли, будто рядом с ним любые тревоги переставали быть тревогами и можно было больше ни о чём не беспокоиться.

И всё же этот спокойный взгляд Цзян Тану не нравился.

— Где? Я не вижу, — он опустил руку и подался ближе, подставляя лицо.

К нему приблизилось тёплое дыхание, а вместе с ним и едва распускающаяся улыбка.

Когда юноша с чёрными волосами и белой, как снег, кожей так близко наклонился к нему, в его ясных глазах будто колыхалась сладкая утренняя роса.

Дыхание Фу Линцзюня на миг сбилось.

А затем он отвёл взгляд от этого сияющего, словно персиковый цвет, лица и посмотрел на их смутные тени.

— Справа, — холодно произнёс он, и кончики его ушей едва заметно покраснели.

Спокойная, холодная гладь в его глазах была взбаламучена.

Цзян Тан едва сдержал смех. Он быстро вытер лицо, больше не стал его дразнить, зашёл Фу Линцзюню за спину и мягко распустил чуть растрепавшийся пучок.

Стоило вытащить шпильку — и водопад чёрных волос хлынул вниз, закрыв покрасневшие кончики ушей.

Это был уже третий раз, когда Цзян Тан расчёсывал Фу Линцзюня.

Вместо гребня он пользовался пальцами, медленно пропуская их сквозь волосы. После двух прошлых раз выходило уже вполне ловко.

Высокий мужчина наклонился, подстраиваясь под хрупкого юношу.

Фу Линцзюнь сидел, опустив голову и безропотно позволяя ему делать что угодно, и вдруг ощутил, будто с тех пор прошла целая жизнь.

Кругом стояла такая тишина, что даже дыхание юноши слышалось отчётливо. Он двигался так бережно, словно боялся сломать хоть один его волос. Когда подушечки пальцев касались кожи головы и медленно скользили вниз, от каждого такого прикосновения по телу расходилось сладкое, щекочущее удовольствие.

В этот миг его тело невольно расслабилось, плечи тоже опустились.

Это чувство было удивительным.

Будто они сейчас были не в погребённой во тьме демонической бездне, а в области Цянькунь, в комнате у окна, за которым густо цвела лагерстрёмия и в воздухе стоял густой аромат цветов. Или в обители Десяти Сторон, при тусклом свете лампы, когда один сидит, другой стоит рядом, а косые тени бамбука за окном чуть покачиваются на бумаге.

Эти бесконечно далёкие, смутные и будто чужие картины постепенно становились яснее, настолько ясными, что уже переставали быть пустым сном и делались реальностью, до которой можно дотянуться рукой.

Он коснулся той чисто-белой тени, что, словно звезда, проскользнула в мрачную, мёртвую долину Тяньбэй.

Коснулся мягкой красоты, что гналась за ним в Бездне мстительных душ и упала следом вниз.

Коснулся истерзанной болью и отчаянием души и встретил существо, рядом с которым впервые смог снова спокойно уснуть.

Коснулся единственного человека в том мире, кто приближался к нему без всякой настороженности, любил его и нуждался в нём.

Этот человек был слаб до смешного.

И всё же он изо всех сил пытался его спасти.

И теперь Фу Линцзюнь больше не хотел сопротивляться.

Они молча наслаждались этой тишиной.

Яркое пламя феникса взмахивало ослепительными крыльями и взбаламучивало мрачную бездну, рождая в ней свет и мягкое тепло.

Когда Фу Линцзюнь наконец пришёл в себя после этого странного расслабления, его волосы уже были уложены.

Ни одна прядь не выбилась — расчёсано было с поразительной тщательностью.

Собственную макушку Фу Линцзюнь видеть не мог, зато видел сияющие, довольные глаза юноши.

Раз ему так нравится, значит, причёсано и правда хорошо.

Поэтому он протянул к нему руку:

— Отдай мне.

Он не мог проснуться лишь потому, что осколок его души был спрятан в этом мире. Теперь, когда осколок нашёлся, он уже готов был вернуться в свой настоящий мир.

Цзян Тан опустил глаза на протянутую к нему руку.

Он знал, чего хочет Фу Линцзюнь, и догадывался: как только осколок души вернётся к нему, этот мир исчезнет.

— Уже рассвело, — подняв голову, мягко сказал Цзян Тан. Он не обратил внимания на его слова и не вернул искорку звёздного света, а лишь посмотрел на чёрную бездну над ними, где кружило пламя феникса. — Пора завтракать.

Ресницы Фу Линцзюня дрогнули.

Цзян Тан перевёл взгляд с летающего фениксова пламени на его лицо. В этом свете бледность его черт стала куда теплее.

— Пойдём домой завтракать, — повторил он. — Я голоден.

Улыбка юноши была точь-в-точь как этот сон — сладкая и мягкая.

Кадык Фу Линцзюня чуть дрогнул.

Лишь спустя долгое мгновение он медленно кивнул и с трудом выдохнул:

— Хорошо.

Больше он не просил вернуть ему недостающую частицу души. Лишь подошёл, обнял юношу за плечи и поднялся вместе с ним вверх из демонической бездны.

Теперь в этом мире уже ничто не могло его остановить. Стоило Фу Линцзюню захотеть — и он без труда разорвал бы всё, что было в этой иллюзии.

Но он не сделал этого.

Он лишь молча обнимал человека у себя в руках и шёл назад той же дорогой, что привела их сюда.

Сквозь холодный туман, ещё не рассеявшийся над бездной, пробивалась белизна рассвета.

Первый свет рассёк самую густую, самую тяжёлую ночь и вновь открылся его глазам.

Они шли к ещё спящему дворцу Гуанлин, навстречу долгой дороге, ласковому ветру и лёгкому цветочному аромату.

Наконец бледно-золотое солнце пролилось на раскинувшиеся по изумрудному озеру лотосы и на золотую глазурь черепицы над дворцами, рождая текучие блики света.

Всё вокруг ожило. Вдалеке слышался плач ребёнка и мягкий голос женщины, что его убаюкивала. Где-то вставшие пораньше ученики усердно тренировались, где-то мимо торопливо проходили члены рода.

— Фу... господин Юйань? — выпалил круглолицый Фу Нин, которого с самого утра вытащили на занятия. Он ошеломлённо смотрел, как легендарный Фу Линцзюнь, о котором вчера говорили, будто он вот-вот умрёт, а потом каким-то чудом выжил, ранним утром выходит перед ним, приобняв красивого юношу.

Причём этот юноша был тем самым новым учеником, которого Фу Линцзюнь недавно взял к себе.

У Фу Нина тут же потемнело в глазах. В голове у него вспыхнули все сплетни, наслушанные за вчерашний день — большей частью от девчонки Фу Син из Водной Беседки в Облаках. Что-то вроде: «господин Юйань тяжело болел, а его маленький ученик денно и ночно молился у его постели и не отходил ни на шаг», или «прошлой ночью господин Юйань и Фу Тан провели ночь вместе», или даже «неужели у господина Юйаня и внешнего ученика Фу Тана всё началось уже давно?» — и прочее в том же, весьма нескромном духе.

— Вы... вы... — он посмотрел то на Фу Линцзюня, то на Цзян Тана, и, метнувшись взглядом туда-сюда ещё несколько раз, окончательно забыл о почтительном «господин Юйань». Подскочив, как когда-то в детстве к своему приятелю, он одним рывком оттащил Фу Линцзюня в сторону и зашипел: — Ах ты негодяй, так, значит, всё, что про вас болтают, правда? Ты ещё тогда, когда в павильоне Цанхай выбирал ученика, уже этого и ждал, да? А? А мой отец ещё гонял меня полдня, заставляя бегать перед тобой и всё прибираться?

Вид у него был такой, будто он уводит собеседника в сторонку, но голос он и не думал понижать, так что Цзян Тан слышал всё до последнего слова.

Ему стало и неловко, и захотелось что-нибудь объяснить. Всё-таки в павильоне Цанхай он с Фу Линцзюнем тогда и правда ещё не был знаком. Тут пухляш явно всё перепутал.

Но в следующую секунду он услышал, как Фу Линцзюнь удивительно легко признал обвинение:

— Да. Так и было.

Фу Нин: ?

Цзян Тан: ??

Вот это да. Неважно, твой это котёл или нет, — главное, вовремя его на себя принять? Но разве это вообще правдоподобно? Даже если бы в Гуанлине и правда существовал какой-то Фу Тан, он ведь всего лишь внешний ученик. Какой у него мог быть роман с недостижимым господином Юйанем? Неужели Фу Нин в такое поверит?

К его удивлению, Фу Нин не просто поверил — он даже разозлился так, будто вот-вот грохнется в обморок.

— Ты ещё и признаёшься?! Тебе совсем не стыдно?

— Совсем нет, — спокойно ответил Фу Линцзюнь.

Фу Нин: ...

Он несколько раз провёл ладонью по груди, только так сумев унять возмущение, и не удержался от ворчания:

— Вот ведь у людей судьба разная. В детстве мы с тобой по силе были не так уж далеко друг от друга: ты — мастер Дао, я — ученик Дао, если бы я хорошенько постарался, тоже мог бы прорваться... А ты и нескольких лет не дождался — раз, и уже господин Юйань. И ещё успеваешь брать себе красивых учеников! Распустился! Совсем распустился! А мой отец ещё каждый день велит мне брать с тебя пример!

Фу Линцзюнь, хотя Фу Нин и просто жаловался, не пропустил ни слова. Он серьёзно выслушал всё до конца и так же серьёзно посмотрел на него:

— Ты всегда был достойным учеником рода Фу и никогда не предавал своих усилий.

Фу Нин ещё только-только вошёл во вкус, собираясь проворчать что-нибудь ещё, как эта внезапная похвала выбила у него почву из-под ног.

Он потёр нос и с подозрением уставился на Фу Линцзюня:

— Ты... что, характер сменил? Раньше ведь всё время меня подкалывал.

Он прокрутил услышанное в голове ещё раз, и лицо его становилось всё страннее. Наконец он взвился, как ошпаренный:

— Ах вот как! Мой отец заставляет меня почтительно звать тебя господином Юйанем, и ты уже решил, что можешь по-стариковски меня поучать? Нужна мне твоя оценка, будто я и без тебя не знаю, что хорошо! Просто рядом с тобой мне, ясное дело, не везёт...

— Только подожди! — он ткнул пальцем в Фу Линцзюня, потом в себя и вскинул подбородок. — Когда-нибудь в этой жизни я обязательно тебя догоню. Думаешь, святой Дао — это что-то недостижимое? И я смогу!

Глядя на размахивающего руками Фу Нина, Фу Линцзюнь словно видел перед собой того же мальчишку, только поменьше ростом, но такого же живого и бойкого. Он с улыбкой кивнул:

— Хорошо. Я буду ждать.

И Фу Нин сразу перестал сердиться.

Обычно ему приходилось только возиться с озорным младшим братом Фу Линцзюня, а вот так поговорить со старым другом по душам ему давно не случалось.

Поэтому, повстречав Фу Линцзюня и наговорившись с ним вдоволь, он почувствовал, как на душе у него полегчало. Хлопнув в ладони, он с широкой душой объявил:

— Вот увидишь, если так пойдёт, у рода Фу будет сразу два святых Дао! А я ещё пойду подавлять один из духовных пределов — тц-тц! С твоим Пределом Восьми Законов наш Гуанлин тогда точно станет первым бессмертным родом во всём Люхэ! Ха-ха-ха!

Говоря это, он явно уже наслаждался блестящим и великим будущим, а потому пребывал в отличном настроении. Он весело хлопнул Фу Линцзюня по плечу:

— Ладно, заболтался я с тобой. Побегу тренироваться. А вы тут — как знаете!

Сказав это, он махнул им рукой на прощание и ушёл.

Солнце упало на его широкие плечи и на взмахнувшую руку, окутывая их завораживающим сиянием.

Фу Линцзюнь долго смотрел ему вслед. Лишь когда фигура Фу Нина совсем скрылась из виду, он вернулся к Цзян Тану и взял его за руку.

Сжал в ладони его мягкие пальцы и, ведя за собой, пошёл домой.

По этой дороге он ходил бессчётное число раз, но сегодня впервые спешил так сильно.

— Хочешь тангао? — спросил он.

Стоило ему произнести это слово, как будто он снова стал тем ребёнком, что крутился возле матери, выпрашивая сладкие тангао. Тогда он был слишком мал и слишком избалован: если ему не давали, он сразу плакал, и матери ничего не оставалось, кроме как уступить и принести ему лакомство.

При этой мысли глаза Фу Линцзюня наполнились улыбкой, и даже голос его стал мягче.

Цзян Тан смотрел в эти глаза, где мерцали звёзды. Видя, что Фу Линцзюню хорошо, он и сам повеселел, несколько раз энергично кивнув:

— Хочу!

<http://bllate.org/book/17032/1723133>